

Мой сосед

МЕДВЕДЬ

18+

Анна Владимирова

Анна Владимирова

Мой сосед - медведь

«Автор»

2026

Владимирова А.

Мой сосед - медведь / А. Владимирова — «Автор», 2026

Мне 38, и меня бросили все. Муж ушел к фитнес-тренеру «попа-орех» Валерии, дочь и сын остались с папой, потому что им так удобней. Сын сказал, что нет никакой трагедии в разводе родителей, ведь у всех его друзей родители давно разведены. А дочь боготворит Валерию, ведь она помогла ей похудеть. Что может быть важнее в жизни современного подростка, да? — Натусь, я не обижу, — заявляет муж пафосно, подталкивая мне бумаги. — Перестань меня так называть, — морщусь я и тру виски. Вот и все. Документы о разводе подписаны, половина жизни потрачена, вещи собраны. — Куда ты? — В мамин дом... За окном — лето, время подумать обо всем в тишине и хорошенько порыдать. Мамин домик находится в такой глухомани, что рыдать можно будет в рупор, никто не услышит. Главное — не купить по дороге рассады Только планы на одиночество идут прахом, когда вскоре я обнаруживаю, что у меня появляется сосед... горячее противостояние соседей страстно, нежно, весело, не стекло читается отдельно, хэ, однотожник

© Владимирова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Владимирова

Мой сосед - медведь

Пролог

— Натусь, я не обижу...

Я поморщилась. Захотелось заехать Владу по морде, но я сдержалась. В очередной раз. А сколько этих разов было? Не счесть.

Сначала я сдержалась, когда Влад сообщил мне, что уходит к другой. Потом — когда узнала, что этой другой двадцать семь, и она весьма недурна собой. Фитнес-блоггер — поп-орех и все такое... В очередной раз я сдержалась, когда дети решили остаться при папе. Дима сказал, что так часто бывает, и родители всех его друзей живут порознь. А ему от папы в универ ездить привычнее. Да и о семье-то думать рано, чтобы понимать, часто это бывает или все же трагедия. Только двадцать исполнилось. А Лена в свои пятнадцать увлеклась полгода назад фитнесом. И Валерия помогла ей похудеть прежде, чем закрутила роман с моим мужем. Ну, по версии Влада, конечно. Дочь смотрела на меня щенячьими глазами, когда просила не ругаться с Валерией. Я заверила ее, что наши с Валерией дела ее не касаются.

Ругаться! Я? Зачем?

Мне не хотелось походить на пустую банку, из которой все уже съели, и ей только и остается, что греметь пустотой, мол, сколько я вас кормила, ночей не спала, растила, ухаживала за вами за всеми...

Жалко.

Все это звучит жалко.

И себя — тоже жалко.

Конечно, муж — козел. Классика. Дети... Нет, делать детей заложниками развода я не хочу. Пусть общаются с отцом, как прежде. Настраивать их против него или его тренерши я не буду. Они уже взрослые, чтобы учить их, что хорошо, а что плохо.

— Натусь...

— Перестань меня так называть, — поморщилась я и потеряла виски.

Я все не могла решить, как мне себя вести, чтобы он не подумал, что мне больно и я раздавлена. Выглядеть усталой? Похоже на манипуляцию, мол, гляди, какая я убитая горем! Агрессивной? Еще хуже. Счастливой, что, наконец свободна? Я попробовала. По итогу Влад предложил мне сесть и стакан воды.

— Квартиру и машину я оставляю тебе, — сообщил он так, будто бы это могло сразу же улучшить мое самочувствие. — А еще хотел предложить поехать куда-нибудь. Оплачу тебе все расходы...

Я машинально кивала.

— Влад, я нормально себя обеспечиваю. Не стоит со мной, как с маленьким ребенком. У меня все отлично.

— Да сколько ты там зарабатываешь! — бросил он. — В своем косметологическом кабинете...

— Ну ты и придурок, Влад, — вырвалось у меня.

— Ну, наконец-то ты проявляешь хоть какие-то эмоции, — среагировал он неожиданно. — А то мне все казалось, что тебе дела нет до нашего расставания.

— Что? — вскинула я голову и посмотрела на мужа. — А какие эмоции ты хотел? Чтобы я кидалась на тебя и Валерию с кулаками?

— Ну, тогда я хотя бы понимал, что...

— Что? — перебила я. — Что сделал мне достаточно больно? Тебе нужно подтверждение? Ты без этого будешь не так счастлив?

— Наташ, ну, что ты, как я не знаю?.. — поморщился он.

— Тебе хочется, чтобы у тебя совесть успокоилась, мол, правильно поступил, променяв эту истеричку на свою Валерию? Это низко и жалко, Влад. Решился на развод, так будь мужиком. — Я сгребла документы с его стола и направилась из кабинета.

— Куда ты? — устало окликнул он меня. — Натусь...

— Передам адвокату бумаги.

— Я не про это...

Я обернулась у двери и состроила выжидательное выражение лица.

— Куда ты собралась ехать? — уточнил он.

— С чего ты взял?

— Лена сказала, что ты взяла отпуск и собираешься куда-то уехать.

Можно было гордо сказать ему, что это уже не его забота. Но это было бы глупо и по-детски. У нас же дети, так что мало ли...

— Я еду в дачный домик родителей.

— Что? — опешил бывший муж. — Зачем? Там же... он же... старый. И дорога там черт-те-какая... Отопления нет.

— А вот это все уже не твоя забота. Связь там есть — это главное. Случится что — звони.

И я вышла из кабинета в коридор, где нас ждали юристы. Моя посмотрела на меня выжидательно, и я молча передала ей документы.

— Все? — только и спросила она.

— Все. Я на связи.

Я тряхнула волосами, гордо вздернула голову и направилась к своей машине. И, уже отъехав от здания, припарковалась у обочины и разревелась. Теперь можно выплеснуть все эмоции, и я сжимала руль и смотрела перед собой сквозь потоки слез.

— Какой же ты мудака, Влад... — цедила я. — И Валерия эта твоя...

Не помогало. Таня говорила мне, что нужно поорать на этих двоих хорошенько, и полегчает. Но, видимо, не мой вариант. Ну, что ж... Поищу свой собственный. Пока что единственное, что мне хотелось — исчезнуть, залечь на дно, скрыться с позором... И старый дачный дом в богом забытом дачном товариществе — идеальное место. Ну, а что? На дворе — начало июня, а лето всегда было временем перезагрузок. Деньги у меня есть. Сейчас — затариться едой и всем необходимым, и... вспомнить дорогу.

Я толкнул калитку забора и прислушался. Тихо. Последних сил хватило, чтобы доплестись до крыльца, и я тяжело на него рухнул и подтянул к себе раненную ногу. Стягивающая повязка набухла кровью, но кровотечение остановилось. А ведь я думал, что уже все, добегался. Но, нет. Снова свезло...

Я прислонился затылком к перилам, прикрыл глаза, выровнял дыхание и, кажется, отрубился.

Вскинулся, когда начало светать. Ночные запахи леса и старого дома настоялись до горечи, и так захотелось жить, что аж в груди защемило. Как же надоела эта моя собачья жизнь... Вечно на грани, без отдыха, на износ... Может, на пенсию уже? Да кто ж отпустит в тридцать? Хотя, чувствовал я себя на шестьдесят. По крайней мере, сейчас.

Черт, вот бы чаю кто принес... И пожрать. И спать бы уложил в теплую постель... Нет, это все же старость.

В глотке пересохло. Надо было поднимать задницу и ползти в берлогу. А еще обернуться бы, чтобы рану затянуть. Но я не мог. Подстрелили слишком неудачно, и пуля засела глубоко, а еще я вымотался подчистую... Сил не было. Придется по-человечески зарастать.

Ну, что ж...

Я кое-как поднялся и огляделся в предрассветной мути. Место тут у меня тихое. Дом этот я купил четыре года назад, и за все время никто на соседних дачных участках так и не объявился. Повезло...

А это что такое?!

Я поднялся, морщась, на крыльцо и вытянул шею, заглядывая через забор... Машина?..

И правда — в соседнем дворе стояла какая-то игрушечная тачка, явно женская. Да еще и цвета такого — то ли голубого, то ли мятного. За травой, что взмывала стеной сразу от забора, легко не заметить. Неужели и этот участок кто-то купил?

Вот же неприятность...

Я повел носом, прислушиваясь к запахам, и едва ли не зарычал в следующую секунду. Котлеты? Seriously?!

В желудке неприятно скрутилось. Черт, не повезло вдвойне. Эта соседка еще и готовит так, что от одного запаха хочется то ли жить, то ли сдохнуть. Я тяжело сглотнул и полез в карман за ключами. Делать нечего. Бежать отсюда мне некуда, другой берлоги я еще не нашел, так что...

...придется пожить с неизвестной соседкой бок о бок какое-то время.

Глава 1

Я опасливо выглянула в окно. Мотоцикл подъехал к соседнему забору, и с него слез мужчина. Вкатить его в ворота, казалось, стоило ему последних сил, потому что он тяжело опустился на крыльцо и замер.

— Уснул что ли... — прошептала я.

Снизу вопросительно промурчала Мушка, и я машинально шикнула на нее, будто бы сосед мог нас услышать. Интересно, кто это? Родственник бабы Нюры? Или вообще кто-то другой, кто купил дачный дом? Помню, мама рассказывала, что за этот участок после смерти бабки родственники возню устроили. Все поделить не могли...

Я вздохнула и снова посмотрела в окно.

— Ну точно уснул, — прошептала. — Может, он пьяный?

По спине прошел озноб. Говорили мне все, что я — идиотка, что еду в эту глушь на лето, что нет тут никакой инфраструктуры, связи и интернета. Случись что... Но я возражала, что со мной уже все случилось. Муж ушел к молодой тренерке по фитнесу, у детей — своя взрослая столичная жизнь, и только я никуда по итогу не вписалась.

Спать перехотелось. Я направилась к плите, набрала чайник и поставила на огонь. Верхний свет включать не стала, зажгла мамин древний торшер в углу в зале, и устроилась за столом так, чтобы видеть соседа.

Неделю назад тут даже света не было. Восстановить подключение стоило нервов в основном потому, что найти концы всего этого было сложно. В округе хоть и жило достаточно народу, но управляющую всем этим бардаком организацию днем с огнем не найти. Но, наконец, свет у меня появился. А скоро появится и спутниковый интернет, и телефон. Ну, мало ли что...

Когда чайник закипел и громко освистал тишину, я вздрогнула и бросилась его снимать.

Вот и зачем я сюда поперлась?

Я спрашивала себя об этом каждый день. Но ответа не знала. Мне хотелось просто куда-то забиться подальше, чтобы ничто не напоминало о прожитых двадцати годах жизни с Владом и не делало тем самым больно. Да, наверное, именно так. Говорят же, что человеку нужно четыре месяца, чтобы оправиться от потери. Хотя, нет, у меня не потеря... У меня — поражение. Как ни крути, я проиграла молодой и прыткой, которая увела у меня мужа и семью, а это — невероятно больно. Это в соцсети просто говорить, что нужно встряхнуться, встать на шпильки и почесать в светлое свободное будущее, но... все непросто. Как, черт возьми, отделаться от этой горечи проигрыша? И от понимания, что ну очень хочется утереть всем нос, встать, грянуть так, чтобы все услышали и сказали: «Ничего себе, Наташка! Какая молодец! Похорошела, зажгла!» Но мне...

...мне пока что хотелось лишь рыдать.

Нет, сидеть тут эти четыре месяца я не планировала, но хоть немного прийти в себя нужно.

Я всхлипнула и осмотрелась. Пока что я наслаждалась этой заброшенностью, которая тут была повсюду. Мы с этим местом, наверное, были похожи. Никто в нас давно не нуждался.

— Мррр? — подала голос Мушка.

— Что, съела уже корм?

Мушку я подобрала на въезде в поселок. Она жалась к остаткам шлагбаума и жалостливо мяукала. Я забрала ее с собой в очередную поездку в город, сводила к ветеринару, затащила кормом, и уже через пару недель Мушка все больше приближалась формами к упитанной Мухе. Характер у нее был дерзкий, но ласковый. Она поняла, что у нее теперь есть дом, и далеко не отходила, а вдвоем нам было куда веселее. Мушка гоняла мышей, любила греть новоприобретенное пузо на солнышке и собирать репейник на себя в высокой траве, в которой тонула добрая часть маминого наследства.

Тут кошка вдруг встрепенулась и подскочила к окну. Я последовала ее примеру. Сосед наш, оказывается, очнулся. Мужчина очень тяжело поднялся, взошел на крыльцо и неожиданно повернул голову прямо к нам с Мушкой. Я юркнула за занавеску и замерла. Мушка только недоуменно на меня глянула, но продолжила наблюдение. Когда она, наконец, моргнула и отвела взгляд, я снова приблизилась к шторкам, но соседа на крыльце уже не было.

Странный какой-то. Под наркотиками? Пьяный? А, может, просто устал?

— Ну, какой бы нормальный человек тут бы жил? — спросила я в тишине и смущенно застыла. Мушка ожидала объяснений пустой миске, но я на всякий случай решила объяснить ей и другое: — Я не в счет. У меня обстоятельства. А этот, — и я указала на соседний участок, — вряд ли в подобных.

Пришлось наполнить миску.

— Черт, вот же не свезло с соседом! — шептала я. На самом деле тут жили люди, просто жилые дома разбросаны по территории дачного поселка, и до ближайшего горящего окошка километра два или три. А этот приперся прямо под окно, разбудил грохотом своего мотороллера... — А я-то уже обрадовалась, что в округе никого.

Привычка говорить вслух появилась только тут, но... она странным образом мне помогала. Я выговаривалась, давала волю чувствам по полной. Я говорила с Владом, детьми, Валерией... Высказала им тут все. Мне казалось, Мушка иногда смотрит на меня укоризненно. И если она вдруг уйдет, я ее пойму. От меня все уходят. Папа, когда я была еще маленькой, потом мама, теперь вот Влад и дети.

— Мрр? — напомнила мне Мушка, что все еще ждет, когда я отлипну от шкафа и вернусь с пачкой еды.

— Иду, — насупилась я и осчастливила кошку.

Когда рассвело, я высунула нос на крыльцо. Как же хорошо тут! Тихо, вкусно пахнет лесом, старым деревом дома и сыростью. Туман уже уползал в речной овраг через дорогу, и на траве осела роса. Хорошо! Если бы не сосед... Покосившийся забор не скрывал соседний участок, и «мотороллер» было хорошо видеть. Правда, на бензобаке было написано Харлей...

— Ну, мало ли, — прошептала я Мушке смущенно, когда она села рядом и проследила мой взгляд, — состоятельный сосед, видимо, но от этого он не становится... эй!

Мушка, не долго думая, соскочила с крыльца и нырнула в мокрую траву, а кончик ее кисточки обозначил, что направилась она на разведку к соседскому участку. Может, конечно, я ее утомила, и она вознамерилась переехать?

— Стой! Мушка! А ну, не лезь! — бросилась я следом, но не тут-то было.

Юркая кошка уже нашла брешь в заборе и просочилась на участок, а я безнадежно застряла в крапиве и намокла, отборно кроя себя за тупость. Мысленно. А то сосед еще подумает обо мне все то, что я подумала о нем...

Когда полосе крапивы удалось преодолеть, я опасливо коснулась забора и попробовала его на прочность. Меня точно не выдержит. Но отсюда стало видно, что калитка на соседский участок открыта и представляет собой более простой путь.

— Ну, Мушка, — ворчала я, продираясь вдоль забора, — не могла показать более доступный вход?

Пробравшись к калитке, я оглядела себя и пришла к выводу, что, если сосед меня увидит, убедится, что ему со мной повезло еще меньше, чем мне с ним. Да к черту! Как я тут без кошки? С кем мне говорить? Нет, говорить-то я буду, но уже сама с собой, а это будет точно какой-то диагноз.

— Мушка, — прошептала я и, зачем-то пригнувшись, двинулась к крыльцу. Дверь в дом оказалась тоже приоткрыта, и кошка, видимо, сквознула в нее. — Вот же чучело... Мушка!

Я глянула в щель и увидела свою пропажу, настороженно обнюхивавшую что-то на полу.

— Мушка! — громко прошептала я. — А ну, назад!

Но кошка только глянула на меня презрительно, словно осуждая за трусость, облизнулась и направилась дальше.

— Мушка, меня посадят за незаконное вторжение в частные владения, а ты снова пойдешь побирать! — отчаянно проскулила я, но кошка не слушала.

Пришлось продолжить нарушать закон. Интересно, какой кодекс? Гражданский или уже уголовный? Наверное, смотря, чем кончится... Боже, ну зачем мне это все в мои почти сорок лет? Я — несчастная разведенная женщина, брошенная мужем ради молодой и прыткой любовницы!

Интересно, а это сойдет за смягчающее обстоятельство?..

Стеная про себя, я переступила порог. За дверью оказался тамбур, больше походивший на весьма неуютную кухню. С одной стороны — холодильник или нечто, его напоминавшее. С другой — старый-престарый стол, покрытый пылью. У выхода из кухни стояли внушительного размера ботинки. Мужские, конечно же. Кошки нигде не было. И тишина. Вероятно, мужик спит, а тут — мы...

Надо быстро найти кошку и драпать!

Последняя мысль придавала решимости, и я двинулась дальше. За тамбуром обнаружилось нечто, типа гостиной. В отличие от кухни, назначение этой комнаты читалось лучше — тут и диван имелся, кресла, столик журнальный и старый телек, который последний раз работал, наверное, когда моя бабушка была маленькой. Кошки и тут не оказалось.

— Ну, Мушка! Ну, сучка ты блохастая, — выругалась я под нос, гипнотизируя проем в следующую комнату, которая, очевидно, была единственной, помимо того, что мне уже открылось.

Я сделала вдох поглубже и шумно сглотнула. Может, оставить кошку тут? Сама вернется. Кошку не осудят. И не прибьют. Наверное. Ну, не лезть же в спальню к мужику, в самом деле!

Да, так и сделаю.

И я уже начала сдавать задом к тамбуру, когда в спальне послышался сочный шелест.

«Пакет! — пронеслось в моей голове пулей. — Мушка обожает шелестеть пакетами!»

И я, не думая более, бросилась в комнату, чтобы тут же застыть на пороге, парализованной взглядом...

Мужик, то есть, мужчина действительно спал еще совсем недавно, а теперь смотрел на меня из-под густых бровей, приподнявшись на локте. И ему будто было очень жарко, потому что тело, к слову сказать, шикарное, крепкое, и вообще такое, что я едва не зажмурилась... В общем, он весь блестел от пота, и простынь, которой он, видимо, успел прикрыть все, что ниже пояса, тоже была влажной.

Кошку найти не составило труда. Труднее было оторвать взгляд от хозяина дома. В общем, спальня оказалась крохотной и вмещала лишь одну кровать, к которой вел узкий проход между стенкой. Возле нее на полу виднелась куча окровавленных бинтов и что-то в пакете, которым с упоением продолжала шуршать Мушка.

— Я... — начала я сипло, — простите, пожалуйста...

— Принесите воды, — приказал вдруг хрипло мужчина, не сводя с меня взгляда.

— Сейчас! — выпалила я и бросилась то ли бежать, то ли за водой, но у дверей на улицу остановилась и сообразила, что никакой воды я не вижу. Пришлось вернуться и застать хозяина сидевшим уже на краю кровати с опущенной головой. — А... где?..

Он протер лицо и мрачно воззрился на кошку.

— Простите, я за кошкой... влезла... — залепетала я.

— В кухне в шкафу у стола, — перебил он. — Стаканы там же.

Я бросилась в указанном направлении, отыскала воду и прибежала со стаканом обратно.

— Держите, — протянула мужчине.

Он вдруг так резко вскинул руку, что я бы разлила воду, отшатываясь и влетая спиной в стенку, если бы он не успел вцепиться в стакан. Глядя на то, как жадно он пьет, я сползла по стенке до пола и одним броском сцапала Мушку вместе с пакетом. А уже через пару вдохов улепетывала с кошкой подмышкой прочь со двора.

Оказавшись в своем доме, я захлопнула двери и закрылась на все замки.

— Ну ты и дура, Наташа, — просипела я, изменив в своем стоне имя кошки на свое собственное в последнюю секунду, — надо же было извиниться... Или я извинялась?

Не помню.

Во рту пересохло, и теперь уже пить захотелось мне. Стоя у кухонного стола с чашкой, я тарасилась перед собой, продолжая вспоминать случившееся.

Этот мужчина ранен. Окровавленные бинты — тому подтверждение. И ему явно плохо. Поэтому он еле двигался вчера, и так долго сидел на крыльце, не в силах подняться. И мокрый он тоже из-за угрожающего жизни состояния. Может, нужно вернуться и предложить помощь? Но кто он? Взгляд у него жуткий, а сам — как герой голливудского боевика... Я зажмурилась, но перед глазами все еще стояли его руки, плечи...

А вдруг он бандит какой-то? Ну с чего нормальному человеку прятаться в глуши после ранения? Наверняка его ищут, раз он тут. И дом, наверное, не его...

— Мушка, что же делать? Драпать? Пожалуй. Да, это было бы самым правильным решением...

Только тут взгляд упал на пакет, который мы с Мушкой случайно украли. А там обнаружился весь запас медикаментов, которым мужчина пытался себя спасти.

— Черт бы тебя, Мушка, побрал, — простонала я.

Вот и чего у меня морду перекосило от усмешки? Не смешно же... Но забавно, да. Соседка оказалась у меня милашкой. Мышка такая — маленькая, худенькая, глаза большие и испуганные. Трясется вся, а за кошкой все же полезла. Ладно, надо приводить себя в порядок и перебинтовывать...

— Да ладно, — выдавил я, оглядевшись в поисках пакета. — Мать вашу за ногу!

Я поморщился от боли в ноге, которую попытался вытянуть, и тело снова взмогло. Замкнутый круг. Чтобы вытащить пулю, надо пожрать. Чтобы пожрать, надо суметь подняться на ноги...

Тут с улицы снова послышался шорох, и я медленно натянул простынь на бедра, готовый к новому нашествию своей Мышки. Она скрипнула входной дверью, постояла немного, видимо, сомневаясь в своем решении вернуть мне аптечку, но все же направилась в дом.

Я встретил ее почти нормальным взглядом, стараясь не морщиться от боли.

— П-п-простите, — запищала она, тряся пакетом. — Кошка... я с кошкой случайно... — И она выставила пакет перед собой, так и не решаясь переступить порог спальни. — Может, вам помощь нужна? У меня и своя аптечка есть, а я — врач. Ну, почти. У меня с-с-среднее...

Я удивленно вздернул бровь и не сдержал усмешки.

— Вы бы мне поесть лучше принесли, если вас не затруднит, — прохрипел я и не удержался от того, чтобы добавить: — Котлеты были бы в самый раз...

Она перестала дрожать и выпрямилась во весь свой невысокий рост. А хорошенькая какая. Симпатичная. И вовсе не серая. И возраста какого-то неопределенного. Видно, что не девчонка, но так и не скажешь сразу, насколько...

— Я принесу, конечно, но... может, все же...

— Не стоит, — мягко отрезал я.

— Ладно. Сейчас. — И она развернулась и чуть было не ушла с моим пакетом, но опомнилась и вернулась, смущенно положив его на пол. — Простите...

Надежды на еду придали сил, и я заставил себя подняться на здоровую ногу и кое-как проковылять в уборную. Холодный душ — единственное удобство, что было мне доступно в этой халупе, — оказался как нельзя кстати. Только с моей прыткостью я так и не застал Мышку с подношением. Когда выполз и привел себя в подобие порядка, ее уже и след простыл. А вот на столе, радуя глаз и желудок, меня ждал полноценный обед — те самые котлетки, запах которых вернул вчера с того света, не иначе, а еще макароны или что-то типа того, с сыром и грибами. Мисочка со сладостями особенно тронула.

— Шоколадки! — усмехнулся я хрипло. — Ты ж моя спасительницы, Мышка!

Я рухнул на единственный стул и пододвинул к себе тарелку. Но, стоило схватиться за вожденную котлету, как показалось, что снова слышу шаги. И правда, Мышка нарисовалась на пороге уже через минуту.

— Я подумала, что вы чаю захотите, — чуть ли не прошептала она, замерев у дверей.

И протянула мне термокружку.

— Спасибо, — прохрипел я, поправляя полотенце на бедрах. — Подайте, пожалуйста. Сам я буду долго вставать...

— Хорошо, — энергично закивала она и направилась к столу. — Я не знала, как вы любите, поэтому чай черный без сахара, но к нему есть...

Пока она лепетала эту глупость, мои губы сами поползли в стороны, и Мышка смутилась окончательно.

— Вы меня задабриваете, полагая, что я — бандит какой-нибудь? — хрипло поинтересовался я, глядя на нее серьезно.

Она выпрямилась и заправила прядь за ухо.

— Нет, — пискнула. — Просто... кто вам еще... тут...

— Это точно, — усмехнулся я. — Меня Раф зовут, а вас?

— Наташа, — тихо представилась она и сделала шаг назад. — Но... Я, наверное, зря сейчас на вас смотрю и... Я никому не скажу ничего...

— Вам ничего не угрожает со мной, Наташа, — спокойно заверил я, пытаюсь перестать улыбаться ее трогательному смущению.

— Но, вы... Вы же ранены.

— До больницы было далеко, — пожал я плечами. — Да и не страшно там все. Попал в аварию, скатился кубарем с мотоцикла и в ногу гвоздь словил...

— Но есть же риск заражения, и прививку от столбняка... — наши с ней взгляды встретились, — ... в течение суток надо сделать.

— У меня есть прививки, не переживайте. — И я поправил полотенце так, чтобы оно точно прикрыло рану, которая ни черта не походила на след от гвоздя.

Но Наташа увидела этот мой жест и рану, кажется, тоже, потому что глаза ее расширились, а голос охрип:

— Ладно. Я пойду. Приятного аппетита, — хрипло попискивала она, сдвывая задом к двери. — И... посуду можно не отдавать.

Ну, не был я готов к тому, что меня тут будут кормить, — ложь не успел заготовить. Когда Наташа шмыгнула в дверной проем, стало даже обидно. Если бы постарался, может, меня бы накормили еще раз...

Вопреки ожиданиям, еда сил не прибавила, а наоборот — будто бы отняла. Я доплелся до кровати, перевязал рану и завалился спать.

— Мушка, валим! — выпалила я, врываясь в дом. — Мушка!

Кошка мирно спала на кровати, вдоволь нагулявшись, и никакой кипиш ее не вдохновлял.

— Мушка, у него совершенно точно не от гвоздя ранение! Оно — пулевое! А он — врет!

Я сгребла все нужное — таблетки, косметику, очки, умную книжку для новоиспеченных разведенков и переноску для кошки, и скинула все у дверей. Но, когда Мушка, а, точнее, ее половина была упакована в переноску, а вторую осталось только дожать рывком, в двери постучали.

— Наталья Игоревна, спутниковое!

А я и забыла, что мне же сегодня проводят спутниковую связь! Мушка радостно выкапталась из переноски, а я поспешила открыть двери.

— Ну вы и забрались, — усмехнулся мне дядечка в летах и поправил свой экстремально натянутый в области живота форменный синий комбез. — Здравствуйте.

— Добрый день. А... это надолго?

— Часа четыре... — Он почесал макушку и обернулся к напарнику, пытящему с оборудованием за забором. — Хорошо тут у вас. Тихо так...

— Д-д-да, — натянуто улыбнулась я, косясь на соседний участок. — Чаю будете?

— Можно, — благосклонно кивнул. — Мы пока начнем...

Черт. Так я смогу сбежать отсюда только к вечеру, а ехать придется вообще по ночи. А я терпеть не могу водить ночью из-за астигматизма. Но делать нечего. Моя заявка на монтаж заняла две недели до этого самого монтажа. А мне нужно решить вопрос со связью как можно скорее. А то приходилось ехать в Москву только для того, чтобы при появлении связи обнаружить лишь одно сообщение от дочери, в котором она вежливо интересуется, как у меня там дела. И все. Поэтому, с меня хватит! Пока не сделают мне тут интернет, никуда я не побегу!

Ну а сосед... Он же не кидается на меня с ножом или пистолетом. Наоборот, и даже с благодарностью ест то, что я ему притащила. Господи, кто последний раз из моей семьи ел мою стряпню? Они у меня все питаются по кафешкам, и домашняя еда у них, скорее, вызовет несварение.

А потом подумалось, что, если у соседа пулевое, то ему ведь надо вытащить пулю. Как он вообще с ней и терпит боль?

Я вздрогнула на стук в двери.

— Хозяюшка, чаю уже можно подать! — довольно улыбнулся мужик в комбезе, заглядывая в кухню.

Меня передернуло. «Я «подавала» двадцать лет в браке, козел. А ты бы мог не делать вид, что твое требование меня должно окрылить», — фыркнуло что-то внутри меня. Но я напомнила себе, что мужик не виноват, что будит во мне зверя этим своим «можно подать». А еще они будили и моего соседа звуками монтажа и дурацким плейлистом, игравшим через динамики скрепучей колонки. Даже Мушка предпочла забиться под кровать. Я же удрученно взирала через окно на это все и опасно поглядывала на дом соседа.

К концу монтажных работ, которые продлились вовсе не четыре, а все шесть часов, мне уже было жаль бедолагу, которому так не повезло со мной по соседству. Хотя, с пулей в ноге, это не такая уж и большая беда — слушать всю эту какофонию. Еще час заняло подключение оборудования. Всю основную работу делал молодой напарник, а его начальство лишь делало важный вид и вставляло неуместные комментарии по ходу. Типа, «Коль, Наталья Игоревна — женщина умная, она разберется с этим» или «Да ты не умничай, две кнопки ей покажи, ей больше и не нужно запоминать».

— Так а вы тут совсем одна что ли? — принялся подкатывать он ко мне, сматывая шнур от перфоратора, пока его молодой коллега таскал ящики с инструментами и укладывал лестницу на крышу грузовика.

— Нет, конечно, — фыркнула я. — Кто тут будет один жить? Нету ж никого в округе.

— А Харлей вон стоит в соседнем дворе, — кивнул он на забор.

— И что?

— А говорите, что нету никого...

— Ну, почти никого. Короче, я не одна тут.

— Понятно. А мы тут тоже недалеко живем, в Пронькино...

— Рада за вас. Экология, наверное, шикарная, — неуклюже поддерживала я разговор. — Не то, что в столице...

— Это точно. — Он загадочно мне улыбнулся. — А вы не похожи на тех, кто тут обычно живет.

— Так плохо выгляжу?

— Что вы! Наоборот!

— Спасибо, — поморщилась я, понимая, что мужик находит себя вполне подходящим для флирта со мной. Старый флиртун, что б тебя.

— Палыч, поехали, — неприязненно окликнул начальника напарник, — домой еще два часа пилить...

— Ну, всего хорошего, Наталья Игоревна. Спасибо за чай. И звоните...

— До свидания! — и я закрыла дверь перед его носом.

Достал! И... обидно как-то, когда такой дед всерьез считает, что может к тебе подкатывать! Фу, блин! Я даже забыла, как хотела уехать отсюда быстрее. Так расстроилась, что мужик с пулевым ранением по соседству оказался не самой большой проблемой.

«А если он там вдруг умрет?» — вернулась я мысленно к нему.

Только тут заработала моя связь, и на мобильный посыпались сообщения в мессенджер. Это странным образом успокоило. Будто бы то, что я на связи, могло мне тут как-то помочь.

«Мам, как дела? Ты когда вернешься? Хочу встретиться, соскучилась».

Ох, как! Лена соскучилась. Мои губы дрогнули в улыбке.

«Пока не знаю, но если очень соскучилась, то, конечно, приеду. Все хорошо у тебя?»

В соседнем чате она ругилась истерика от подруги Тани.

«Наташа, ты где?! Обещала же на выходные приехать!»

«Привет, — поспешила ответить я, — все там же. Приеду, конечно».

Намечалось уже две встречи.

«Слушай, все так тут достало! — ответила Таня, пока я вспоминала, какой сейчас вообще день недели. — И я подумала, может, я к тебе приеду? Хоть посмотреть, как там у тебя за городом».

Хм...

Я быстро представила, как наши с Таней выходные за городом превращаются в триллер с обнаружением трупа соседа, который я нахожу в очередной визит с поисками Мушки, распитие просекко за упокой его души и траурную процессию разного рода служб, которые выезжают на такие ситуации — скорая, полиция, участковые, следователи... А, может, и ФСБ...

Только тут я бросила взгляд в окно и остолбенела. Сосед мой не то, что не собирался упокоиться в ближайшее время, даже не начинал помирать. Он стоял на крыльце в одних джинсах и непринужденно курил, глядя куда-то перед собой. Я не шевелилась, будто бы это мешает ему меня заметить.

Высокий какой. А ручищи! А... все остальное...

И тут он вдруг повернул ко мне голову и... улыбнулся, махнув свободной рукой. А я тяжело слотнула и так и не нашлась, что предпринять в ответ — махнуть рукой, сделать вид,

что близорука и потеряла очки, или плавно сползти под стол. Господи, ну и дура! Какая же я дура!

Он, не дождавшись от меня действий, медленно развернулся к двери, припадая на пострадавшую ногу, и скрылся в доме. Я же шумно выдохнула и на всякий случай все же отодвинулась от окна.

Нет, надо что-то решать. То ли я его боюсь и веду себя соответствующе — драпаю, то бишь. Либо остаюсь и соседствую достойно, а не вот это все...

«Наташа? Так я приеду?» — требовала Таня.

«Хорошо, приезжай. Погода, вроде бы, без дождя», — набрала я ей и выглянула из-за тюлей.

Сосед обнаружился у мотоцикла. Что-то крутил там у него, и при этом мышцы на руках так и бугрились волнами, исключая всякую возможность отлипнуть от созерцания. Определенно не умирает. Хромает только. Дошел до крыльца и снова опустился на него, а дальше видно не было... Черт! Трава эта... Завтра надо прополоть, а то это ведь небезопасно — не видеть, что там творится на соседском участке!

— Так, — решительно скомандовала я себе, — у меня же теперь есть кино. И вино. И ванная. К черту все. Я приехала сюда приходить в себя от болезненного развода. И я не хочу в город.

Когда уже все было готово для продолжения терапии — в маленькой ванной комнате летали ароматные пузыри и горели розовые свечки, колыхаясь на воде вместе с резиновыми утятами, выбран фильм для настроения и вино ждало в холодильнике, я потянула с бедер спортивные штаны... и вздрогнула от аккуратного стука в двери.

— Кто там? — каркнула я, рывком натягивая штаны на место.

— Это Раф.

Ну, кто бы это еще мог быть, да?

— Ммм... что вам нужно, Раф?

— Тарелки...

— Вам нужны еще тарелки? — растерялась я.

— Мне нужно вернуть ваши...

— Я же говорила, что не нужно, — перебила я нервно.

Повисла тишина.

— Наташа, и все же, — слышалось насмешливое.

— Я не хочу вам открывать. Я вас боюсь.

— А почему не уехали тогда? — отчетливо усмехнулся он.

И меня переполнило от злости. Смешно ему! Я щелкнула засовом и раскрыла двери, но воинственный запал сразу иссяк от вида несчастного. Мужчина стоял, тяжело оперевшись на перила крыльца. В руках он держал чистую посуду.

— Спасибо, — протянул мне тарелки и так улынулся при этом, что я как-то сразу перестала его бояться. — Вы меня спасли.

— Пожалуйста. — Я опустила взгляд на его ногу, и с языка слетело быстрее, чем я успела подумать. — Раф, может, вас отвезти в больницу?

— Не стоит, Наташа, — качнул он головой.

— Но у вас — пулевое ранение.

— Именно поэтому и не стоит.

— Но вы же не можете ходить с пулей, — продолжала спорить я.

— Пулю просто так не отвезешь в больницу, мне придется объяснять, где я ее словил, — на его губах снова заиграла усталая усмешка.

— А вы не можете объяснить, — констатировала я, чувствуя себя полной дурой.

— Нет, — отрицательно качнул он головой.

И мне бы кивнуть и закрыть двери, но я почему-то не сделала ни того, ни другого.

— Знаете, сейчас редкий врач откажется от денег, тем более здесь в округе...

Он замялся, настороженно глядя мне в глаза. Нет, ну а как он себе это представляет? Пуля есть пуля, с ней не ходят и не живут. Только, подождите... Я что, берусь ему... что? Пособничать? Да нет же. Я просто пытаюсь оказать ему первую помощь.

— Наташа, вам придется меня везти, если вы действительно готовы помочь.

— Отвезу, я же сказала, — кивнула я. — Оденусь только.

— Ладно, — тяжело вздохнул он.

— Ну и отлично.

Я скрылась за дверью и зажмурилась. Вот же черт! Я предложила свозить беглого преступника в больницу! А если я не заявлю на него, то стану пособницей!

— Черт, Наташа! — стенала я шепотом, натягивая джинсы. — Вот же черт! Ну что ты творишь?! У тебя ванная с уточками и кино с вином! Нет же... тебя понесло везти мужика с пулевым в больницу!

Мушка вопросительно наблюдала за мной все это время, и я, подумав, насыпала ей еды побольше, поставила дополнительно консерву и налила еще одну миску воды.

— Буду, наверное, не скоро, — прошептала я отчаянно и помахала кошке на прощанье.

Глава 2

Вот и что я делаю?

Если откровенно, то с пулей в ноге неприятно. Нога болит. Очень. Но можно было потерпеть пару-тройку дней, восстановить потенциал и обернуться. Не в первый же раз. Но я зачем-то поперся относить посуду соседке.

Теплилась надежда, что мне еще дадут котлет, лишь бы отстал...

Но все пошло не по плану.

Соседская Мышка оказалась отважной. Собиралась же задать стрекача, но не успела. А то, что ей связь провели, значит, что она здесь всерьез и надолго. Хорошо. Или плохо? Нет, плохо же. Котлет я рано или поздно смогу себе и сам налепить. А вот то, что она тут у меня под боком ошивается и нос сует свой любопытный — плохо. И то, что я согласился поехать к врачу со своей пулей — тоже хреново.

Но тут моргнула фарами игрушечная машинка, и Мышка выскочила на крыльцо, одетая в джинсы и толстовку.

— Садитесь, — скомандовала и открыла мне пассажирские двери.

Я заглянул в салон и красноречиво кашлянул.

— Можете отодвинуть сиденье полностью?

— Да, конечно. — Она засуетилась с моим удобством, и мы худо-бедно запихали меня в эту подарочную коробку, не иначе. — Я посмотрела в интернете, ближайшая хирургия тут в часе езды...

— Хорошо, — хмуро отозвался я.

— Как вы... ходите вообще? — покачала она головой, выкручивая руль.

— Мне не привыкать.

— Станный вы, — неодобрительно вздохнула она. — С пулей. В голове... — Она завертела головой, сдавая назад, но тут же спохватилась: — Не укладывается, в смысле, в голове.

— Какой есть, — пожал я плечами.

— Не понятно, на что рассчитываете, — не унималась Мышка.

— Сам бы вытащил. Но это неприятно.

— Вы хирург что ли? — покосилась она на меня.

— Просто умею это делать, — уклончиво отозвался я.

— Наверное, мне лучше вас ни о чем не спрашивать.

— Наверное.

— Ладно. — И она включила в салоне какую-то попсу, но молчать долго не смогла: — А вы давно в доме этом живете?

— Нет. А вы?

— С детства. Это дача моей мамы, и я в школьные годы тут все лето проводила. Раньше народу было больше...

— Я поэтому и купил тут дом, что теперь народу тут нет почти, — усмехнулся я.

Но она не заметила. Мышка была хорошей водительницей. Смотрела на дорогу пристально и не глядела на меня вовсе.

— Я давно не была здесь, — вдруг грустно вздохнула она.

— А что так? — решил поддержать я безопасную беседу, пока она снова не вышла к моей пуле.

— Мама не стало, а у меня семья — не любитель старых дачных домов. Была, вернее. Семья.

— А что с семьей? — Генерировать вопросы было несложно, да мне и правда становилось интересно.

— Муж нашел другую, помоложе и покрасивше, — усмехнулась Мышка невесело и покрепче вцепилась в руль.

— Поздравляю.

— Что? — опешила она и все-таки бросила на меня нерешительный взгляд.

— Ну, если муж нашел другую, значит изменял. А раз изменял, то он — полный мудака. А раз так, то вам повезло от него отделаться.

— Логично, — вздохнула она, — только горько и больно...

— Это пройдет.

— Вы так говорите, будто бы тоже прошли через это...

— Нет, я бы не прошел.

— В смысле?

— Я бы убил и жену и ее мудака, если бы она мне изменила.

Мышка хмыкнула:

— Сурово. Бывает же всякое...

— Ну какое «всякое»? Вот ваш муж нашел даму помоложе. Что у него случилось такого «всякого», что он решил по самому простому пути пойти и пристроить член в кого-то другого?

Она смущенно кашлянула:

— Ну, может, я как-то не так...

— Что?

— Не знаю.

— Зачем вы стараетесь сейчас казаться правильной? — усмехнулся я. — Что на самом деле думаете?

— Что он — кобель, а она — овца, — буркнула Мышка.

— Ну вот, — пожал я плечами. — У моей женщины сил и желания изменить мне не останется. Я разобьюсь для этого в лепешку. А ваш мудак просто ушел налево...

— Вы молоды и категоричны, — улыбнулась она грустно.

— Я не молод, — понизил я голос. — А ты переставай называть меня на «вы», Наташа.

— Ну а... сколько тебе лет? — перестать мне «выкать» для нее было непросто.

— Тридцать один.

— А мне почти сорок, Раф, — и она так тяжело вздохнула, будто бы ее возраст — это какой-то смертельный диагноз.

— Почти?

— Тридцать восемь.

— Значит, я поистрепался, а ты просто шикарно выглядишь. Лучше меня.

Она рассмеялась.

— Спасибо.

— За правду не благодарят. По морде только бьют, если она не нравится.

— Как у тебя все четко и просто.

— Быть может.

— Но все не так просто, — принялась вдруг спорить она. — У каждого — своя правда. У бывшего мужа она просто своя. И ведь... понимаешь... больно из-за того, что мне он все также был нужен, а я ему — нет. И такова участь многих женщин, которые выбирают семью и детей. Сначала вы делите обязанности, а потом ты вдруг оказываешься будто на другой орбите. И возвращаешься ты по-другому, и интересы у тебя уже не те, и перестаешь быть интересна вовсе... — Наташа глянула на меня и смущенно усмехнулась. — Прости, я тут просто... одна все время. Не с кем поговорить.

— Все нормально. Но ты не права. Твой муж пытался наладить отношения? Что он принял для того, чтобы вытащить тебя на свою орбиту? — Я сделал паузу, в которую так и не дождался ответа. — Ничего. Если бы он пытался, тебе бы не было сейчас так больно. А он просто сменил тебя на другую, отрекшись от всего разом. Он — мудака, Наташа. Все просто.

— Пожалуй, ты прав...

Время с Мышкой бежало юрко, и до больницы мы доехали быстро. Мне даже жалко стало. Но в приемном покое начался ожидаемый «цирк».

— Позовите, пожалуйста, травматолога, — повторила Наташа твердо. — У меня мужчина с травмой...

— Подождите, пожалуйста, у нас тут — травматология, все с травмами, — недовольно возражала ей традиционно полная медсестра.

Я сидел на скамье в коридоре и получал удовольствие. Только попкорна не хватало.

— Мужчина истекает кровью уже сутки! — не давала ей спуска Мышка.

— Что же он делал эти сутки?

— Он был в загородном поселке, где нет ни связи, ни транспорта!

Так. Наташа создала мне имидж бомжа-разнорабочего за тарелку котлет. Черт, зачем я про них вспомнил? Я бы еще одно пулевое перетерпел, только бы мне снова выдали тарелочку с котлетками...

— Он у вас не похож на гастарбайтера, — с сомнением протянула медсестра, вытянув голову и глядя на меня оценивающе.

Я решил, что ну его нафик и, картинно закатив глаза, съехал со скамейки на пол, изобразив обморок.

Все сразу забегали. Запищала Мышка, закудаhtала медсестра, послышались крики и требования... Хорошо как!

— Режьте джинсы!

— Не надо! — встрепенулся я. — Последние, что хозяин выдал! У меня больше нету!

— Господи, ну что за цирк?! — взвыл какой-то новый персонаж, похожий на того самого хирурга, к которому зывала Наташа все это время.

Но джинсы мои оставили в покое, принялись стягивать.

— У него давление девяносто на пятьдесят.

Ну, что тут скажешь? Уровень котлеток в крови уже давно упал, давление мне поддерживать не на что...

— Глюкозу ставьте, и на операционный стол его... Группу крови...

Блин, вот кровь мне чужую лить не нужно. Черт, сил почти ни на что не хватает...

— Наркоз делали вам когда-либо? — поинтересовался какой-то молодой врач.

— Не нужен мне наркоз, делайте под местным, — сдавленно процедил я.

— Давайте вы не будете нас учить, — недовольно начал он.

— Я беру всю ответственность на себя, — перебил я его. — Мне нельзя общий, аллергия, а на какие именно, я не помню...

Тут к кушетке подошел главный хирург.

— Петр Иванович, — принялся жаловаться молодой врач, — говорит, у него аллергия на общий наркоз, просит местный...

— Петр Иванович, можно вас с глазу на глаз на минутку? — вставил я, вложив во взгляд все оставшиеся силы, чтобы тот немного оцепенел. Кажется, ему хватило.

— Я вас слушаю, — склонился он надо мной.

— У меня в ноге — пуля, — понизил я голос. — Я бы хотел, чтобы вы ее вытащили без шума и пыли, а я в долгу не останусь. Равно как и в случае, если вы меня сдадите.

Ну, куда ж тут без четких условий? Никуда...

Судя по волне напряжения, прошедшей по лицу собеседника, предложение ему мое не понравилось, что ничуть не удивило. Он нахмурился, помарчнел, но все же кивнул:

— Хорошо. Решим нашу с вами проблему...

— Я выдержу местную анестезию. Пуля не глубоко.

— Ладно. — И он обернулся к двоим врачам, оставшимся в смотровой. — Каталку сюда. Я отвезу пациента на рентген. А вы — в приемный.

Я нервно расхаживала в приемном покое в ожидании... нет, не Рафа из операционного отделения. А когда зубы перестанут стучать, и я смогу внятно объяснить по телефону, что именно мне нужно от человека на том конце связи...

Когда врач увез Рафа на рентген, а меня выпроводили, мысли о том, что я привезла в больницу преступника с большей долей вероятности и стала соучастником, парализовали. Это безумие ничего не предпринять. Пока еще можно вылезти из ситуации с меньшими потерями, я обязана себя спасти и обезопасить. Потому что, какой бы Раф ни был обаятельный и привлекательный, мой приговор это никак не смягчит...

Наконец, я решительно набрала номер...

А уже через сорок минут сбивчиво давала показания представителю правоохранительных органов все в том же коридоре перед приемным покоем.

— Так вы решили, что у него — пулевое ранение, — констатировал тот меланхолично. Мужик средних лет, с напряженным лицом и уставшим взглядом. Будто смена его вот-вот закончится, а тут — я. — А врач что сказал?

— Врач не сказал ничего. А про пулевое ранение мужчина подтвердил сам. И я предложила отвезти его в больницу.

— И он согласился?

— Да.

— Как его имя, вы говорите?

— Раф.

С каждым его вопросом я чувствовала себя дурой все больше. Его напарник — парень помоложе — расхаживал со скучающим видом туда-сюда по приемному отделению, игнорируя нашу беседу. Мне же все больше казалось, что это меня сейчас загребут в камеру, а не Рафа.

— Проверьте и подпишите, — наконец, передали мне планшет. А мой собеседник обратился к коллеге. — Теперь нужно этого врача найти...

— А я могу ехать? — с надеждой поинтересовалась я.

— Пока оставайтесь.

Черт, ну вот за что мне это, а? Мало мне было? Нет, еще сосед этот подстреленный...

— А другого имени не называл вам сосед? — поинтересовался вдруг напарник, вернувшись от стойки регистрации.

— Нет.

— По этому имени там никто не записан, — спокойно сообщил он коллеге.

— Врача нашли?

— Да, он пока оперирует.

— Пожалуйста, можно я поеду? — взмолилась я.

— Вы должны его опознать, — раздраженно объяснили мне. — У нас нет ни имени вашего соседа, ни записи в журнале о нем. А вы еще и уедете. Больше похоже пока на ложные показания...

Вот так вот захочешь повести себя, как законопослушный человек, и останешься виноватой.

— Мне уже нужно звонить адвокату? — устало поинтересовалась я, роняя голову на руки.

— Нет еще, — вздохнул он. — Слушайте, я прекрасно понимаю, что вы хотите проявить предосторожность. Но, поймите, Наталья Игоревна, само по себе пулевое ранение ничего не доказывает.

— И то, что человек сознательно не обращается к врачу, а прячется в заброшенном дачном поселке, тоже? — скептически уточнила я.

— Может, он идиот.

«Не он тут — идиот», — подумалось мне.

— Саш, нашел, — вдруг возвестил коллега, возвращаясь от двери смотрового. — Парня уже заканчивают оперировать. А записан он как Серафим.

Я округлила глаза, но тут же вжала голову в плечи, когда из боковой двери вышел тот самый хирург.

Беседа с ним у представителей правопорядка вышла короткой и закончилась сочувствующими взглядами в мою сторону. Когда старший направился ко мне, я поняла, что несдобровать.

— Врач сейчас дает показания, — начал он, подбирая слова, — но никакого пулевого ранения у его пациента не было. Вытащили кусок гвоздя, на который парень упал на стройке. Говорю же, ваш пострадалец — просто идиот. Скорее всего, мужчина над вами подшутил. Говорит, вы просто очень вкусно готовите. — И он усмехнулся. — Но вы не переживайте так. Наоборот, это прекрасно, что вы проявили бдительность...

— Я могу быть свободна, да? — безжизненно уточнила я.

— Ну, если что, с вами свяжутся, но, я думаю...

— Спасибо, — нервно поблагодарила я и направилась быстрым шагом из приемного покоя хирургии.

Вот теперь точно надо драпать.

Я выбежала из больницы, прыгнула за руль своей машинки и бросилась наутек. Ну, как, бросилась... По темноте я быстро ездить не умею. Зато спокойно можно было себя костерить, почти не отвлекаясь на дорогу.

— Вот же дура, — скулила я, вцепившись в руль. — Как я могла вообще во все это вляпаться? Ну, а что было делать? Вот, что? Отдохнула я в загородном домике! Набралась, блин, сил! Вот куда мне теперь драпать?

Зависит от того, какие у Рафа связи, насколько большие неприятности я ему доставила и как он зол вообще... В общем, чем дальше, тем лучше.

— Ну ты зажгла, Наташа, — качала я головой, всматриваясь в дорогу. — Черт, как же темно...

Я сбавила скорость до минимально возможной и шмыгнула носом, стоически перетерпев приступ никчемности. Вот только расплакаться не хватало, чтобы вообще потерять ориентиры!

В поселок я добралась часа за два с половиной. Как же хотелось просто напиться и завалиться спать! Но я только сцепила зубы, оставила машину заведенной и поспешила в дом за вещами.

— Мушка! — позвала кошку с порога. — Мушка!

Кошка до меня не снизошла, и я, схватив переноску, прошла через гостиную и, шагнув в спальню,...

...остолбенела.

Мушка спала на моей кровати... вместе с Рафом. Мужчина лежал в одежде, подмяв подушку и одеяло. А моя кошка свернулась у него подмышкой, сложив голову на руку, и блаженно сопела. У кровати стояла пустая тарелка, в которой, скорее всего, когда-то были котлеты, и чашка с водой.

Я медленно сдала задом в гостиную и опустила переноску на пол, парализовано пялясь перед собой. Все. Допрыгалась. Кажется. Хотя... я все еще могу прыгнуть за руль и сбежать...

...оставив свой дом?

Вот уж нет!

Да что же это такое?!

Я никого тут не трогала! Тихо страдала! И тут какой-то, блин, уголовник выжил меня и отсюда?! Да хрен ему!

Сначала захотелось вернуться со сковородкой и отходить ей наглому захватчика. Но единственная сковородка оказалась занята котлетами, и я, обреченно вздохнув, вытащила ее из холодильника, поставила на стол... и стянула холодную котлету. Потом вторую, третью... Когда к котлетам добавился бокал вина, меня окончательно примирило с реальностью.

Ладно, черт с ним. Я и так устроила Рафу головняк. Пусть спит.

Заглушив машину, я вернулась в дом, устроилась на диване в гостиной и допила залпом вино.

Ну и денек...

Черт, а я поизносился больше, чем думал. Надо же, как меня срубило. Да еще и таким крепким сном, что я теперь понятия не имел, где моя Мышка, и чем у нее закончился день. Оставалось надеяться, что она дома...

— Мрр? — оживилась кошка и потянулась, скатываясь головой по плечу.

Она явно встала на мою сторону, ведь я неосмотрительно ставлю тарелку с котлетами на пол, чего Наташа явно не делает. Вот же меркантильное создание... Хотя, а я чем от нее сейчас отличаюсь?

Стоило пошевелиться, нога заныла, но без пули было гораздо лучше.

— Где твоя Мышка, а, кошка? — прохрипел я и тяжело спустил ноги с кровати.

Прислушавшись, я уловил еле слышное сопение в гостиной. Губы расплзлись в усмешке. Нет, после вчерашнего я бы уже не дал Наташе от себя сбежать. И нет, не потому, что она меня испугалась и доложила в ментовку. Тут как раз все объяснимо. Наташа осталась одна, а в одиночку можно натворить всякого, и не всегда с первого раза понятно, что именно из этого — то самое «всякое». Конечно, ей страшно. А я — debil, сам виноват.

Как же хочется жрать...

Вчера последние силы ушли на всякие психологические манипуляции. Хирурга — убедить вытащить пулю, мужика незнакомого на шустром джипе — подбросить с ветерком, чтобы обогнать свою юркую Мышку. Обогнала прилично. Я даже не дождался ее.

Так, что там по плану?

Сначала силы восстановить. От своего дома до Мышкиных котлет я бы уже не дополз ни вчера, ни сегодня. А она вряд ли пришла бы справиться о моем самочувствии. Поэтому, первым делом я прошел в кухню и полез в холодильник. Божественные котлеты нашлись тут же, и я принялся хозяйничать. Поставил сковородку, кинул на нее котлеты, сжевав по ходу пару штук, чтобы в обморок не шлепнуться тут же, и осмотрелся.

У Мышки было очень уютно в кухне. Вот не до тошноты, а именно так, как я любил. Мило. Чашки в горошек, которым уже черт-те-сколько лет, тарелки с надтреснутой глазурью, цветы в горшках на окне, столешница деревянная... Даже кофеварка какая-то винтажная, но капучино заявлено в меню. Сейчас такие интерьеры делают за большие деньги. Есть в них что-то... особенное. А для меня — и подавно. Наверное, я просто истосковался по этой трогательной домашней атмосфере. Она дарила спокойствие и давала передышку. Сколько я уже на задании?

Семь месяцев.

— Черт, — выругался я шепотом.

А там на задании и близко не было чего-то, похожего на домик Мышки. Ни чашек, ни блюдец, ни котлет...

Наташа завозила на диване и сначала, было, затихла. Но, вдруг, вскочила и села, оглядываясь. Когда наши взгляды встретились, она болезненно поморщилась и застонала.

— Доброе утро, — нагло улыбнулся я. — Будешь кофе?

— Я думала, ты мне приснился, — прохрипела она и обняла колени, сонно жмурясь.

— Я очень рад, что это не так, — заметил я. — Чего не скажешь о тебе...

— Ты такой доброжелательный с утра, — проворчала она. — И не скажешь, что вчера тебе пулю вытащили.

Я красноречиво проковылял к холодильнику и потянулся за пачкой с молоком:

— С сахаром?

— И что дальше? — потребовала она, игнорируя мое предложение.

— А что бы ты хотела?

— Чтобы ты исчез.

— И что же я тебе такого сделал, кроме того, что сожрал половину котлет? — улыбнулся я.

Да, я знал, что оскал на моей физиономии действует на женщин гипнотически. Тем и пользовался. Только на Мышку он действовал не так, как мне того бы хотелось.

— Ты... — начала было возмущенно она, но тут же закрыла рот.

— Что? — обернулся я от кофеварки. — Ты сама ко мне влезла...

— Кошка к тебе влезла, — возразила Наташа, — а я своих кошек не бросаю...

— Похвально, — кивнул я, занятый приготовлением кофе, — но ты потом вернулась, и не раз... И повезла вытаскивать пулю.

— Я не могла тебя оставить с пулей! — пискнула она возмущенно.

— И я тебе очень благодарен...

— Ты издеваешься? Еще и... с кошкой моей переспал!

— Она сама ко мне пришла. И, нет, кошки меня не интересуют. А вот котлеты...

— Может, на этом и разойдемся? — вдруг предложила она.

— Ну, нет, Наташ, — усмехнулся я и блаженно вздохнул, когда кофеварка зажужжала, а по кухне поплыл очумелый запах жаренных зерен, — ты меня вчера кинула. Да так, что я вообще не ожидал. Полицию вызвала, показания дала даже...

Когда я обернулся, Наташа сидела, понуро обхватив голову руками.

— Ты все же бандит какой-то, да? — обреченно спросила она, не глядя на меня.

— Нет. Я — хороший. Но видеть меня никто не должен. А ты, блин, устроила мне головняк...

— И что теперь?

— Пока ничего. Ты же все равно планируешь провести лето здесь. А там и я закончу со своим делом.

— Каким делом?

— Секретным, Наташ. Я — агент национальной безопасности.

Не все тут, конечно, правда, но да хрен с ним.

— Ну, да! — фыркнула Мышка.

— А тот факт, что я делаю тебе кофе с утра, а не закапываю твой хладный труп под кустом крапивы, не добавляет убедительности?

— Может, ты не любишь кровь и просто отравишь меня кофе? — безжизненно пожала она плечами.

— Ну ты, Наташ, даешь... Твой мудака совсем разучил тебя себя ценить! — серьезно возмутился я. — Зачем мне тебя травить? Ты же офигенно готовишь!

— Раф, ты можешь серьезно? — всхлипнула она, и в ее глазах блеснули слезы. — Куда я встряла?

Я подхватил две чашки кофе и направился к ней.

— Наташ, ты дала вчера показания, засветилась вместе со мной. Если эта информация где-то всплывет, моя работа под прикрытием пойдет псу под хвост. — Я посмотрел в ее глаза и протянул ей чашку кофе. — Мне нельзя было ехать вытаскивать пулю, но... было очень больно, а ты — весьма убедительна.

— И теперь поплачусь за сочувствие...

— Нет, за подставу с ментами. — И я стукнул краем своей чашки об ее. — Твое здоровье.

— Мило, — поморщилась Мышка и уткнулась носиком в чашку. — А ты так и планируешь спать на моей кровати и с моей кошкой?

— Нет, конечно, это было бы очень грубо с моей стороны. Вчера это была вынужденная мера. А сегодня я съезжу в магазин и забью собственный холодильник.

Она хрюкнула и закатила глаза:

— Ты этот ящик напольный называешь «холодильником»?

Я было хотел съязвить, что, если она настаивает, я могу арендовать часть ее холодильника, но вовремя прикусил язык. Достаточно моего слишком яркого интереса к ее котлетам, чтобы Наташа решила, что я ее тупо использую ради того, чтобы вкусно пожрать. А мне ее обижать не хотелось. До меня уже достаточно постарались, хватит.

— Другого нет, но мне приятно, что ты за меня переживаешь, — улыбнулся я.

— Я не переживаю. Это просто любопытство. — Она скользнула взглядом к моей ноге и вдруг вскочила и забрала у меня чашку: — Черт, Раф, у тебя кровотечение! Ложись на диван и стягивай джинсы!

А сама умчалась в комнату. Я же поморщился, глядя на расползавшееся по ткани кровавое пятно. Да что ж я все никак не регенерирую!

— Ну что ты стоишь? — возмутилась Наташа, вернувшись с аптечкой. — Быстрее!

Пришлось подчиниться. Я стянул джинсы, оставшись в боксерах и футболке.

— Блин, Раф, твои вещи нужно постирать, — поморщила она нос. — Снимай и футболку.

Я продолжил хмуро повиноваться, а она принялась менять повязку и обрабатывать рану.

— Швы вроде бы целы, кровоточит изнутри... Потерпи.

— Терплю...

— У тебя нет проблем со свертываемостью?

— Нет.

— А хирург, кстати, что? Ты договорился с ним?

— Договорился...

Наташа ловко орудовала ножницами и антисептиком, а вскоре заново перевязала мне ногу.

— Антибиотики он тебе не выписал?

— Нет.

— Вот, гад... Антибиотики нужны. — Она подняла на меня взгляд: — Придется ехать за ними. Мне. А тебе — лежать тут.

Я скептически вздернул бровь:

— Seriously?

— Без лечения ты помрешь от инфекции. Кстати. Тебя что, правда звать Серафим?

— Правда.

Она улыбнулась:

— Думала, ты пошутил.

— Нет.

Хоть Наташа рядом и облегчала тяжесть мыслей, меня все равно озадачило тем открытием, что я поизносился ГОРАЗДО сильнее, чем думал. Кровотечение? У меня? После того, как пулю вытащили? Я перебирал в голове варианты причин, и все никак не мог поверить, что, вероятнее всего, мне пора на пенсию.

— Раф, держи, — Наташа протянула мне плед и задержалась на мне настороженны взглядом. — Тебе плохо? Раф, может, в больницу?

— Нет, со мной все нормально, — моргнул я и отложил плед в сторону. — Просто дал нагрузку.

— Лежать! — неожиданно гаркнула Мышка на мою попытку встать. — Тебе нельзя ходить! Только поменяла повязку!

— А что ты мне предлагаешь?.. — растерялся я.

— Раф, я не предлагаю, — начала было вкрадчиво пищать Мышка, но уже на следующей фразе принялась наращивать децибелы: — Я сказала тебе лечь. И лежать. И не беси меня, а то отхожу сковородкой! Хватит тут уже истекать кровью! Думаешь, я тут об этом мечтала?! Перевязывать все лето беглых агентов национальной безопасности?!

— Спокойно, — вскинул я руки. — Я ложусь, ложусь...

— Ног у устраивай и не шевели ей, — продолжила командовать она хорошо поставленным властным голосом. — А я поеду за антибиотиками. И продуктами. И даже не заикайся, что ты с чем-то не согласен! И, да, никуда я не сбегу. Мне вчерашнего хватило! Такой дурой я себя еще не чувствовала. Да и дом я тебе не оставлю, и кошку свою — тоже, понял?

— Понял, — кивнул я как можно серьезней, но когда она отвернулась, мою морду перекосило от нервной усмешки.

— Черт, котлеты горят! — взвизгнула она и бросилась к печке.

— Я пытался тебе сказать последнюю минуту...

— Заткнись!

Глава 3

Вот же, черт! Вот же, черт!

Я уже несколько минут стояла с открытым шкафом и жмурилась вместо того, чтобы смотреть внутрь.

«Так, спокойно. Мой дом — моя крепость. Все. И Мушка».

Мушка, кстати, снова предала наше с ней одиночество и устроилась на животе у Рафа. Когда я вышла в гостиную, она возвестила об этом громким мурчанием. Будто хвасталась. Или предлагала присоединиться.

— Блин, знала бы я, Мушка, что ты ветреная такая, — проворчала я и взглянула на Рафа с тарелкой в руках. Он как раз дожевывал последнюю котлету. — Ты только не давай ей обычную еду. У нее особый рацион, который ей назначил врач.

— Она об этом ничего не сказала, — виновато поморщился Раф. — Съела половину котлеты. Вчера и только что.

— Ну еще бы она сказала! — фыркнула я и огляделась в поисках ключей от машины. — Пожелания будут?

— В плане? — насторожился он.

— В плане еды. Может, еще тебе нужно что-то?

— На твое усмотрение.

— Шмотки в стирке, приеду развешу. Надеюсь, кровавое пятно отстирается.

— Во сколько ты вернешься? — уточнил он, когда я проходила мимо.

— Часа через три, наверное. Как пойдет.

— То есть, часов через пять я точно буду знать, что ты меня кинула, — усмехнулся он, но как-то напряженно. Будто больно ему.

— Блин, как ты себе это представляешь? — снова взвинтилась я. — Кину и буду ждать, пока ты тут умрешь от заражения? К полиции по твоему поводу, как я поняла, вызывать бесполезно.

— Ладно, — усмехнулся он, а я опрометчиво соскользнула взглядом с его лица и забуксовала им на голой груди и руках. Раф это, конечно же заметил, и, понизив голос, добавил: — Тогда мы с кошкой будем тебя очень ждать.

Я досадливо махнула рукой и направилась из дома. Уже усевшись за руль, я водрузила мобильный на подставку и коснулась экрана. Ни сообщений, ни звонков. И от этого неприятно сжалось в груди. Если бы Раф оказался преступником и прибил меня за то, что я попыталась его сдать, никто бы и не хватился. Слез сдержать не удалось.

— Черт, со мной тут столько случилось, — сипела я, пока машина проползала на пузе по узкой заросшей дорогой к грунтовке, — а мне даже рассказать некому!

Наревевшись по пути на трассу, я мужественно вытерла слезы и добавила газу. А потом еще. Утро обещало ясный день, дорога была сухой и гладко стелилась под колеса. Я включила погромче «Мельницу» и как следует поголосила свои любимые песни. Работало безотказно.

Уже в небольшом супермаркете ближайшего поселка я разослала детям вопросы о делах и самочувствии. А еще сообщила Владу, что связь у меня теперь есть. И уже в мясном отделе опомнилась, что ко мне собиралась приехать Таня на выходные. Но тут же об этом забыла, когда мне вдруг позвонил Влад.

— Натусь, привет, ты как?

— Что ты хотел? — холодно процедила я, морщась на это его любимое ко мне обращение.

Ну что он за одноклеточное? Так сложно запомнить, что я этого не могу терпеть?

— Узнать, как ты, — деловито отозвался Влад. — Мы же не чужие. Я беспокоюсь.

— Ты очень великодушен и щедр на объедки своего внимания, — неожиданно вызвелась я, — но если тебе их некуда девать, ты можешь завести себе еще одну любовницу и скармливать их ей. А я в твоём беспокойстве не нуждаюсь. Тем более, в таком лицемерном.

— У тебя ПМС, что ли? — презрительно фыркнул он.

— Ты генерируешь остроумные реакции с помощью бесплатного искусственного интеллекта что ли?

— Не знаю, какая муха тебя сегодня укусила, но разговаривать в таком тоне с тобой невозможно...

— А ты о чем-то хотел поговорить?

Влад обиженно засопел в трубку.

— Я чувствую за тебя ответственность, — начала он укоризненно. — Ты уехала черт-те куда, столько времени без связи... Что ты там делаешь? Там банально может быть опасно. И да, я испытываю чувство вины, что ты из-за меня...

— Что? При чем тут ты вообще?

— Ну, это я стал инициатором разрыва...

— Ты стал не инициатором. Ты стал предателем, Влад. И из-за тебя у меня сейчас лишь свободная жизнь и отпуск, о котором я так давно мечтала. Это — лучшее, что ты сделал за нашу совместную жизнь. А теперь прости, мне нужно бежать. Пока!

— Вам что-то подсказать?

Я вскинула взгляд от мобильного и уставилась на женщину за прилавком.

— Да, — закивала энергично. — Мне нужен фарш.

— Классно вы с ним, — заметила она с улыбкой. — С мужем.

— Он мне уже не муж... уже, — залепетала я тихо и зачем-то прокашлялась.

— К лучшему, — ободрила она меня. — Сколько фарша?

Из супермаркета я вышла в пришибленном расположении духа. Чуть в аптеку не забыла заглянуть. А там запаслась от души — перевязочные материалы, антисептики, антибиотики, жгуты, а, подумав, прихватила и физраствора в капельницах. Мало ли, что еще со мной случится за это лето?

Когда садилась за руль, у меня снова зазвонил мобильный. На этот раз дочь.

— Привет, котик! — обрадовалась я.

— Ма-ам, привет... — протянула Лена безрадостно. — Что с тобой?

— Ничего, — насторожилась я. — А что такое?..

— Мне просто папа звонил...

Я сделала медленный вдох и выдох.

— А он с чего решил...

— Говорит, ты на него накричала, и что нервная такая, будто бы ты не справляешься...

— С чем?

— С разводом.

Здесь хотелось вставить весомое, что это папе бы так хотелось, но он вряд ли этого дождется. Только я обещала себе, что не буду перевешивать наши с Владом проблемы на детей.

— Не знаю, с чего он так решил, — спокойно заявила я. — У меня все отлично. Подруга на выходных приезжает, затариваюсь продуктами вот...

— Ты правда в порядке? — недоверчиво переспросила Лена.

Я снова медленно набрала воздух в легкие.

— Котик, я — в порядке. Конечно, не в полном, и это нормально. Но через время у меня все наладится.

— Наверное, тяжело, когда папа с кем-то счастлив, а ты осталась одна, — пришибленно пробубнила дочь.

— Нет, Лен. Если бы он был несчастен, мне бы не стало лучше.

Ну, это, конечно, не совсем правда, и я буду более удовлетворенной морально, если его Валерия закрутит с кем-то помоложе, когда он перестанет ее удовлетворять финансово. Но, никто не идеален.

Дочь скопировала мой вздох.

— Мне без тебя тут стало как-то грустно, — вдруг выдала она. — Я бы очень хотела к тебе, наверное... — Тут в моей голове пронеслись мысли о том, как я тоже соскучилась, и куда я дену Рафа, если Лена ко мне приедет, но она закончила неожиданно: — ...только тренировки пропускать нельзя.

— Почему? — спросила я на вдохе. — Ты... могла бы их разнообразить — прогулки, речка, в саду покопаться...

— Да там нагрузка неправильная, — вздохнула она, — в зале на тренажерах все же сбалансировано. А я, знаешь, так подтянулась...

— Я рада за тебя, — выдавила я. — Ну, не кисни, котик. Тогда я к тебе приеду.

— А когда? — оживилась она.

— Постараюсь побыстрее. Просто... у меня тут... представляешь, сосед пожилой обнаружился, — нашла я. — Вчера с лестницы упал, я его ночью возила в больницу, перелом ключицы...

— Ма-ам, а он — нормальный, этот сосед? — забеспокоилась дочь.

— Нормальный, — заверила я, — добрый такой... дедок, но просто один совсем. Надо помочь. Вот, везу продукты, обезболивающее...

Тут меня осенило — обезболивающего же тоже нужно взять.

— Ладно. Ну, тогда созвонимся, да?

— Да. Держись, котик.

— Пока, мам!

Я дождалась гудков с той стороны и отложила мобильный. Наверное, больше всего за все это время я думала не о том, как так вышло у нас с Владом. А о том, как так вышло с детьми.

Ну, Дима, хоть и отмахнулся, что в нашем разводе нет ничего особенного, беспокоил меня больше. На самом деле он был очень чувствительным. Еще маленьким он никогда бы не прошел мимо потерянного котенка или голодного пса на улице. Всегда всех кормили, подбিরали, лечили — только так я могла оставить хрупкий мир моего ребенка более-менее целым. Но, когда сын подрос и начал жить взрослую жизнь, стал более замкнутым. Я подозревала, что сердцевина у него осталась прежней — мягкой и чувствительной, но она была слишком уязвимой, чтобы открывать ее всем и каждому, и Димка нарастил кожуру.

Я пыталась поговорить с ним насчет развода, но он слишком быстро менял тему или уверял, что все нормально. Сейчас, когда я отделилась еще и физически, тревога за сына стала больше, но сначала мне нужно подумать о себе. Я не могу кого-то спасти, если не спасусь прежде всего сама.

Лена наоборот с детства была «девочка-принцесса» — вся в центре внимания, и, как следствие, — очень уязвима и зависима от мнения окружающих. Такие девочки не признают своих слабостей. И сколько бы я не возвращала в ней чувство собственной ценности независимо от вершин, которые она планирует взять, дочь я не убедила. Ну куда мне, ведь сидеть десять лет дома с детьми, как я, она не собиралась. Ее интересовало образование, карьера и прочие важные цели, которые ценятся в обществе — статус, соответствие каким-то стандартам и прочее. С одной стороны, это ей помогало в учебе. Лена училась на отлично. Но, с другой, завышенные требования к себе порождали кучу проблем. Она всегда была недовольна собой. А я... Я теперь для нее, наверное, неудачница, которая снова стоит на клеточке «Старт» и думает, куда ей идти.

— Обезболивающие, — напомнила я себе хрипло и толкнула двери.

— Так, план простой. Я оборачиваюсь медведем. Чтобы не отъехать — сразу сжираю котлету. — Кошка заинтересованно внимала, едва ли не кивая, но я все же решил повторить: — Котлету не трогать. Последняя. Если сожрешь ее первой, тогда я сожру тебя. Поняла?

Ничего она, конечно, не поняла. Заурчала, глядя на меня влюбленными глазами, и зажмурилась от солнца, прорвавшегося через листву дикого винограда. Я стоял возле крыльца, рядом — тарелка с котлетой. Кошка сидела на ступеньке, заинтересованно поглядывая то на меня, то на еду.

План был так себе. Но мне нужно было обернуться зверем, а то эта рана обещает тянуть из меня силы и дальше. Хотя, есть в этом и приятные стороны, конечно. Наташа, к примеру, с ее трогательной и одновременно суровой заботой. А командует как! Красотка. Да и вся она... кхм...

— Нормально все будет, — тряхнул я головой. Нужно успеть, пока Наташа не вернулась. — Раз, два,...

Только тут вдруг послышались тяжелые шаги по примятой земле со стороны дороги. А потом до меня донесся шелест пакета и запахи пота, роз и дешевого одеколona, замешанного на сигаретном дыму. Я поморщился и принялся раздраженно ждать, когда этот персонаж достигнет цели.

— Простите, — послышалось вскоре от щербатой калитки, которая никак не скрывала ни меня, ни моей голой задницей у крыльца.

Я обернулся. За калиткой стоял какой-то дед и недоуменно на меня пялился.

— Что вы хотели? — поинтересовался я деловито, поворачиваясь к деду передом.

— А где Наталья Игоревна? — спросил он смущенно, недоверчиво прищурившись.

— Уехала по делам, — сообщил я. — А вы кто?

— Знакомый, — самоуверенно обозначил себя дед. — А вы?

— А я сосед.

Дед смерил меня взглядом, задержавшись им на перевязанной ноге.

— Так это ваш мотоцикл в соседнем дворе, — кивнул он на мой участок.

— Вы очень проницательны, — раздраженно ответил я. — Так что передать?

— Да я... вчера оборудование ей ставили с напарником, — неуверенно начал он, — хотел убедиться, что она разобралась со всем.

Нервный шелест пакета, который он держал в руках, говорил о другом. Он к Мышке моей приперся с серьезными намерениями, что ли? Он? Я чуть не поинтересовался, давно ли он в свой паспорт смотрел, а особенно в графу «год рождения».

— Наташи нет, — повторил я. — Но я передам, что вы заходили.

— Ладно. — Дед нерешительно потоптался у калитки, и я уж думал, что, наконец, свалит, как он вдруг выдал: — А чей-то вы в таком виде стоите тут?

— Ворон отгоняю, — процедил я.

— От кого?

— От котлеты.

Он помолчал, набираясь храбрости.

— Вы если в нетрезвом состоянии или обдолбанный, то не думайте, что Наташу тут защитить некому. Найдём на вас участкового.

О, как!

— Удачи с поисками, — хмуро пожелал я.

— Вы бы зад прикрыли...

— Тогда не смогу равномерно загореть. А вам, думаю, пора. Я передам Наташе, что вы беспокоились о моем заде и оборудовании.

Дед презрительно фыркнул, но все же устремился в обратном направлении, что-то ворча себе под нос, а я поймал себя вдруг на том, что этот визит меня дико взбесил. К Наташке он моей, значит, подкатывал! Средь бела дня! Мне бы его самоуверенность!

— Старый хрен, — вызверился я и, глянув под ноги, обнаружил пустую миску. — Да, блин! Мушка! Екарный бабай! Где моя котлета?!

Но ни Мушки, ни котлеты поблизости не обнаружилось.

— Да что б тебя! Ладно. Хрен с ней, с котлетой.

И я опустил на четвереньки. Только зря я не придал значения предосторожностям. Все, что я помню — оборот мне удался. Но на этом удача закончилась, и я отключился.

Очнулся я от того, что кто-то зовет меня по имени. Да так, будто с того света пытается вернуть.

— Раф!

Мышка. В истерике. Так. Что случилось?

Но ответ пришел быстро. Стоило только тряхнуть тяжелой головой, и все стало понятно. Я валялся возле крыльца в звериной ипостаси. Во дворе стояла Мышкина машинка с брошенной открытой дверцей. По земле растянуты пакеты, а сама Наташа истошно верещит над ухом.

Подняв голову, я обнаружил ее на крыльце. Со сковородкой? Зачем...

Но Наташа мне быстро объяснила, опустив сковородку мне промеж ушей. Мать моя, женщина! Наташа, ну ты и бьешь...

Я взревел и вжал голову чуть ли не в тело, чтобы уберечься от очередного заезда сковородкой, только Мышка моя воодушевилась и стала нападать яростней:

— А ну, пошел отсюда! — пищала она, размахивая сковородкой, перегнувшись через перила. — Вон!

Я зарычал, и она снова отскочила к двери, но тут же принялась снова истошно звать:

— Раф!

«Ты уж определись», — мысленно проворчал я. Но откуда ей знать?

Я тяжело поднялся и наткнулся взглядом на притихшую под крыльцом кошку. Вот ты, сучка усатая! Если бы не ты, я б тут не валялся! Только зря я отвлекся.

Бац!

По котелку снова прилетело.

— Что ты сделала с Рафом?! Где Мушка?! — рывкнула Наташа.

Надо было убираться, пока голова цела, а то такая себе терапия — вылечить ногу, но остаться без башки. Нет, мне определенно нужно на пенсию.

Я аккуратно сдал задом, обогнул машину, пакеты и уже направился было к воротам, только тут по хребту прилетело той самой сковородкой, и я отскочил от испуга в забор, снес калитку и бросился наутек, забыв, что, вообще-то, оперативник со стажем и боевой подготовкой, а еще и оборотень с редкими магическими способностями...

Ну, Мышка...

Ну, погоди...

«Мало мне было раненного агента национальной безопасности...»

Эта мысль мелькнула в голове первой, когда адреналиновый туман в ней немного поредел. Ноги перестали держать, и я съехала вдоль дверного косяка до самого крыльца, продолжая пялиться на дыру в заборе, которую оставил медведь.

— Вставай, Наташа, вставай, — шептала я себе, но не помогало.

Меня начало трясти, но я кое как вползла в дом и закрыла двери на замок, потом пошарила по карманам в поисках мобильного и чуть не зарыдала. Меня прошибло холодным потом от осознания, что мобильный все еще в машине на подставке.

Вот так вот, Наташа... Впредь, когда выходишь тут из машины, нужно в одну руку сразу брать мобильный, а во вторую — сковородку. И только убедившись в том, что периметр чист, начинать вытаскивать пакеты.

— Боже, где же Раф? — просипела я в отчаянии.

Может, он смог убежать от медведя? Наверное, это он его оглушил, ведь, когда я обнаружила медведя у себя под крыльцом, он будто спал. Либо медведь его сожрал, закусил Мушкой и, довольный, разлегся у моего крыльца переваривать обед.

— Черт, — я поднялась на трясущиеся ноги и, схватившись за ручку, принялась открывать замки.

Когда я сползла с крыльца и осмотрела поле боя с медведем, в горле застыл всхлип отчаяния. Под крыльцом валялась повязка, которую я накладывала Рафу перед отъездом! Меня затрясло сильнее, накатила паника, и сердце снова разогналось в груди. Я бросилась к машине, запнулась о пакеты и едва не покатила по земле, падая на четвереньки.

— Мяу! — вдруг послышалось позади, и я подскочила:

— Мушка! Мушечка! Кис-кис-кис! Девочка моя...

Мушка не разделила моих эмоций и обниматься не спешила. Она вскочила на ступеньки и шмыгнула в дом, но у меня все равно отлегло. Цела, и хорошо.

Я поднялась на ноги, а уже через минуту слушала гудки в трубке.

— Служба спасения.

— У меня медведь! — вскричала я в ответ.

— Вы целы?

— Да!

— Есть пострадавшие?

— Похоже! У меня сосед пропал!

— Зверь еще поблизости?

— Нет, я прогнала его...

— Вы сейчас в безопасности?

— Нет.

— Пожалуйста, найдите укрытие и объясните, где вы...

И только я сделала шаг в сторону дома, позади вдруг послышалось:

— Наташ...

А я заорала на всю округу, теряя самообладание вконец. Но через какое-то время пришла в себя в крепких руках Рафа. Он подхватил меня на руки и понес в дом, а там уложил на диван и укутал в плед.

— Держись, — заглянул мне в глаза и забрал мобильник, который я продолжала сжимать в руке, — сейчас сделаю чаю...

— Я п-п-п-пз-зз-зз... м-м-м-ч-с... — кое-как выдала я.

— Ничего они не сделают, — отстраненно заметил он, ставя чайник на горелку. — Ты вкусняшек купила?

Его вопрос так обескуражил, что я даже трястись перестала. Но слов так и не смогла произнести, хотя Раф все понял по моим округлившимся от возмущения глазам.

— Тебе нужно сладкое, — спокойно объяснил он.

— С-с-с-г-у-у-у-щенка, — указала я взглядом на холодильник.

— О, сойдет, — одобрил он.

Только тут я отметила, что он — в спортивных штанах. Выглядели они так себе, но, видимо, ничего другого не нашел. Когда у меня зазвонил мобильный, Раф спокойно ответил:

— Да, это сосед. Тот самый. Нет, пострадавших нет. Медведь ушел. Слушайте, смысла в вашем приезде нет...

«Как это нет?!» — снова выпучила я глаза, но Раф на меня не смотрел. Он был занят извлечением сгущенки из пластикового пакета, поисками ложек и чашек.

— Он уже не вернется, — продолжал переговоры Раф. — Я уверен.

— Где ты был? — просипела я, когда он отбил звонок.

— Сначала терялся по лесополосе, потом — в своем доме, — оглянулся он на меня. — Ты как?

— Я видела твою повязку на крыльце...

— Знаешь, я, когда дал деру от медведя, не только повязку потерял, но и трусы. Вся задница обожжена крапивой...

— Откуда он вообще взялся? — всхлипнула я и съежилась в плече.

— Не сказал.

— Ты снова шутишь, — неодобрительно заметила я, но тут же спохватилась: — Как твоя рана? Как ты вообще повязку-то потерял?

— Рану перевязал уже. А тебя по жопе хотел отходить, — вдруг сурово добавил он.

— За что? — возмутилась я.

— Ну кто ж на медведя со сковородкой выходит? А если бы он кинулся?

— Кто бы говорил! Сам-то вышел на него с одними трусами!

Раф только неодобрительно покачал головой и принялся разливать чай.

— Я испугалась, что он тебя сожрал, — буркнула я. — Он... спал под крыльцом! Сытый и довольный!

— Не был он ни сытый, ни довольный, — сообщил мне Раф таким тоном, будто ему медведя жалко.

— А как ты узнал, что я со сковородкой?..

— Она валяется у ворот. Сковородка твоя, — хмуро ответил он. — Вряд ли медведь сам прихватил, правда?

— Ой, все! — фыркнула я и собралась вскочить, только Раф вдруг гаркнул:

— Сидеть! В пледе. Чай готов.

— Сидеть из нас двоих полагается тебе, — возразила я. — А лучше — лежать.

— Да что ты за женщина, Наташа? Тебе слово, ты — двадцать!

А меня как под дых пнули.

— Да пошел ты, агент национальной безопасности! — процедила я, медленно приподнимаясь. — Еще скажи, что так мне и надо, что со мной муж развелся!

— Муж твой — придурок редкостный, — даже не задумался Раф, преграждая мне всякий путь от дивана. Он опустился передо мной на колени, поставил чай на пол и поднял на меня взгляд. — Прости, если я тебя обидел. Возьми чай, пожалуйста. И не вставай. А я соберу пакеты. Хорошо?

Я кивнула и проследила, как Раф поднимается и совершенно нормальной походкой выходит из дома. А потом мне подумалось, что на адреналине люди могут не чувствовать боли, и сейчас он потаскает пакеты, а вскоре совсем истечет кровью. Но я заставила себя усидеть на диване и дожидаться, пока он вернется. А потом вообще забыла обо всем, глядя на то, как он принялся хозяйничать на кухне. Нет, адреналин такому не способствует...

— Ты не против, что я тут раскладываю все? — обернулся Раф от шкафчиков.

Я только мотнула головой, принимаясь часто моргать. Сволочь, знает же, что хорошо собой. Хотя, ведет себя так, будто бы не знает. Потому что на тех, кто себе цены не сложит, я насмотрелась. У меня было немало клиентов-мужчин. Те, кто выглядят божественно или считают себя таковыми, подчеркивают это в каждом слове и движении. Их социальные странички невозможно смотреть без чувства испанского стыда, и обожание самого себя там прет из каждого поста так, что передозировка нарциссизма валит наповал любого случайного зрителя. Но целевая аудитория ведется, конечно же.

Раф на такого экземпляра похож не был, и это делало его еще привлекательней. Наверное, такие мужчины остались лишь в службе национальной безопасности.

— А если я займусь приготовлением еды, ты не будешь против?

Я совсем растерялась.

— Ты собираешься готовить? — переспросила я тихо, выделяя каждое слово.

— Хотелось бы. А еще я оставил тебе тут под чайником деньги, — и он кивнул на разделочный стол. — За все.

Я медленно моргнула, набирая воздуха в легкие, хотя не совсем еще поняла, для чего.

— За что?

— Наташ, ты обо мне заботишься, кормишь, отбиваешь меня от медведей, хотя не должна этого делать. Поэтому я предлагаю тебе деньги. И помощь, пока ты отдыхаешь от сегодняшнего стресса.

— Раф, а я думаю, что сейчас твой адреналин себя исчерпает, и ты истечешь кровью, — возразила я.

— Ты меняешь тему.

— Делай, что хочешь, пока не нарушаешь уголовный кодекс, но готовить...

— Я перевязал рану, кровотечение мне не угрожает. Не в моих интересах сдохнуть тут в получасе от котлет...

— Ах, котлеты, — усмехнулась я нервно.

— Да, я нашел фарш. А ты покомандуй мной, пока я буду метаться по кухне в поисках всего нужного.

— Я еще не согласилась, — хмуро констатировала я, недоверчиво поглядывая на его ногу. — Ты же еле ползал утром.

— Нашел у себя обезболивающее и кровоостанавливающее. Соглашайся, Наташа.

— Так не пойдет, — отрицательно помотала я головой. — Утром ты туманно намекал на что-то, но мы так и не выяснили все до конца. Теперь ты начал мне платить за постой, хотя я тебя не приглашала у себя жить, и ведешь себя так, будто мы оба уже все понимаем. Но я не понимаю ни черта! Я что, под домашним арестом? Или в заложниках? Или в долгу перед тобой? — Раф несколько раз открывал рот, чтобы ответить, но я не давала ему возможности: — Ах, да, про долг я помню — я расплачиваюсь за вчерашний инцидент с полицией. Выходит, что ты мне точно никаких денег не должен.

— Ты все сказала? — хмуро уточнил он.

— Пожалуй...

— Так вот, ты отсюда не съедешь и от меня не сбежишь, пока моя работа под прикрытием не закончится. Ты слишком много знаешь и видела. Я не могу допустить, чтобы любая информация обо мне просочилась, иначе вся многомесячная работа пойдет псу под хвост.

Я прикрыла глаза, откинулась на спинку дивана и сделала глоток чая.

— Я будто выиграла путевку в какое-то летнее реалити-шоу, — покачала головой. — «Вылечи соседа — получи нервный срыв».

— Нервный срыв пока что получил только медведь...

— Ты будто за него переживаешь больше всех, — укоризненно заметила я и спохватилась: — Слушай, надо же предупредить округу, что тут завелся медведь...

— То есть, я ответил на твои вопросы, и можно уже готовить?

— Раф, ты же агент национальной безопасности, а думаешь только о котлетах. А как же люди? Если медведь тут никого не сожрал, пойдет рыскать дальше.

— Медведь — не людоед, Наташа. Сейчас лето, и нет нужды кого-то жрать в принципе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.